

Во всем мире знают Юрия Башмета, альтиста № 1», покорившего публику разных стран и континентов не только высочайшей исполнительской культурой, несравненным мастерством, глубинами мыслей и чувства, но, главное, неистребимой страстью к искусству — особой метой гениальности. Поэтому так неутомим, горяч, пытлив он в поисках нового, так широка сфера его интересов и возможностей. (Недавно миллионы телезрителей, посмотревших первую передачу цикла «Вокзал мечты», где он — ведущий, могли убедиться в сказанном).

Почитателей таланта Юрия Башмета множество и у нас, и в зарубежных странах (трудно сказать, где больше). Все они с пристрастием следят за жизнью музыканта, интересуются его судьбой, творческими успехами. Вопросы — обильные, и особенно после того, как Башмет расстался со своим прославленным коллективом «Солисты Москвы» и создал новый. Что случилось? Уж не прибавилось ли к его имени указание в скобках какой-либо заморской страны?

Конечно, нет. Родной дом Юрия Башмета здесь, в Москве. Он профессор Московской консерватории. В его классе немало счастливых студентов, которые получают у прославленного музыканта уроки мастерства, проходят «высшую школу» преданнейшего служения искусству.

Юрий Башмет

МУЗЫКА —

ЭТО БЕСКОНЕЧНОСТЬ

— Я много гастролирую, очень много, но непременно должен возвращаться домой. Москва — другого дома я не хочу, не мыслю себе. Здесь семья, здесь друзья, здесь близкие по духу, по воззрению люди. После долгих дней и недель странствий ощущение родного дома, доброжелательного отношения к тебе так необходимо и дорого.

Признаюсь, острозаразный вирус отъездов из нашей страны художников, писателей и особенно музыкантов не обошел и меня, и моих коллег «Солистов Москвы». «Уехать», «уехать», «уехать» — говорили кругом. А тут подвернулась хорошая возможность заключить контракт, выбрав из семи предложенных разными импресарио вариантов. Я остановился на Монпелье — это небольшой, тихий, уютный городок на юге Франции, где ожидала нормальная жизнь. Да и творческая перспектива представлялась небезынтересной — участие в фестивале «Радио-Франс Монпелье», который должен был проводиться по всему югу страны.

И вот — свершилось. Приехали. Обосновались. Вскоре я стал замечать, что буквально на глазах мои коллеги, не скажу портились, — менялись. Такое нетрудно объяснить: в возрасте, в среднем 40—45 лет, они попали в условия, где все есть. Настрадавшись от бытовых неурядиц, обзавелись благоустроенными квартирами, всеми атрибутами безбедной жизни и забыли о многом, что объединяло нас, когда мы организовывались. И ведь достигнуть мы уже успели много: по несколько раз коллектив прошел с концертами по известнейшим площадкам мира, записал на первоклассных фирмах несколько пластинок, занял, скажу не хвастаясь, лучшую позицию. Однако устали люди, очень устали и предпочтительнее оказалась для них спокойная, уравновешенная жизнь. Даже выступления в «Карнеги-холл» или «Концертгебау» они готовы были теперь отдать за скромную, но стабильную зарплату и отсиживаться в Монпелье.

Я придерживался абсолютно иной позиции, и положение у меня было совсем другое: квартиру в Монпелье я не снимал и не покупал. Приезжал туда на репетиции, оттачивал с коллективом репертуар и затем отправлялся на гастроли. А дом мой был и есть — в Москве, как я уже говорил.

Так появилась «трещинка» в отношениях с ансамблем. Изменить что-либо оказалось не в моих силах. Чаще приезжать, отказываясь от собственных сольных гастролей? Мне не хотелось — я еще не все сделал на альте. А каждая отлучка усугубляла конфликт. Финал, на мой взгляд, печальный — «развод» с коллективом.

Я много говорю об этом конфликте, потому что забвение долга, утрата чувства товарищества, легкий отказ от жизненных принципов, которые, казалось бы, незыблемы, — стало едва ли не обыденным явлением, проявляясь в разных формах, при разных обстоятельствах. Разве не из того же ряда явлений уход одного из выдающихся дирижеров современности Геннадия Рождественского из взлеянного им оркестра (бывшего оркестра Министерства культуры СССР)?

В его истории меня больше всего взволновало, что факт этот остался незамеченным музыкальной общественностью, словно никто не озабочен судьбами, я уж не говорю людей, столь ценных для отечественной культуры, но судьбами самой культуры. Ведь ее надо собирать по крупинкам, беречь, а не разрушать. У нас же в последнее время всякие рас-

колы и разногласия в творческих коллективах — в театральных труппах, в некоторых ансамблях, в союзах писателей, художников, композиторов, всяческие скандалы. Как все это часто повторяемо!

После моего разрыва с ансамблем почти тотчас же возникла идея создания нового коллектива. Необходимость в том была насущная: ведь как только я расстался с «Солистами Москвы», все до единого менеджера, с которыми заключены были соглашения на наши программы, — в Америке, Японии, Германии, Франции, Италии, во всей Скандинавии — отказались от «Солистов» (поверьте, без какой-либо подсказки с моей стороны). А ведь эти контракты составляли половину годового бюджета коллектива. Отказав коллегам в соучастии, мне надлежало каким-то образом возместить невыполненные ангажементы — то ли собственными сольными программами, то ли выступая с каким-то другим оркестром. Я избрал перспективу создания нового, молодого, и вскоре убедился, что не ошибся. Право же, не нужно остерегаться, как это принято, «неопытности» молодых: мы совершенно забываем, что на иных скоростях (куда более стремительных, чем раньше!) идет сейчас становление, созревание личности, что иные темпы восприятия окружающего мира; что обилие, огромное обилие информации питает и ум, и творческую фантазию, помогает восприятию нового. И то, что примерно семь-восемь лет назад выглядело неожиданным и странным для начинающих в ту пору свое существование «Солистов» (предположим, барочный стиль инструментального Баха, требовавший от исполнителей особого штриха в игре на струнных), сейчас мой студент, которого я принял в оркестр, знает досконально. Вообще, участники нашего нынешнего коллектива — это совсем новое поколение, жизнеспособное, жизнестойкое, с остро развитым чувством самоанализа, самозащиты.

Я собрал лучших студентов, так сказать, «звезд», солистов Московской консерватории. Мы так и называемся — камерный оркестр «Солисты Московской консерватории». Для меня было открытием и приятным сюрпризом, когда я стал набирать участников, что исполнительский уровень студентов на скрипичной кафедре очень высокий. А ведь столько разговоров — профессора уехали, некому преподавать в консерватории, положение безвыходное, и так далее, и тому подобное. А оказывается, есть замечательные педагоги и замечательные студенты, то есть средний уровень, скажем, первых и вторых скрипок, в сравнении с моим бывшим коллективом, явно выше. В полном порядке с виолончелями, контрабасами, похуже — с альтами, но надеюсь, все утрясается, образуется...

Оркестром я доволен. Мы уже успели достаточно много сделать, и, думаю, немаловажную роль здесь сыграло то, что наш коллектив сразу получил такие концерты, каких другие ждут буквально десятилетиями. Я имею в виду значимость залов, программ, места и времени их проведения, в какую серию они попали. Мы уже организовались официально как самостоятельный коллектив, с зарплатой.

Весьма любопытная деталь: так сложилось, что моему новому оркестру в Париже пришлось играть ту же программу, с какой выступили мы с «Солистами Москвы». И если с опытыми музыкантами мы занимались всего почти полтора года, то нынешний коллектив сделал ее за две недели, до-

бившись того же качества — какая-то невероятная, «атомная реакция». (Тьфу, тьфу, чтобы не сглазить!) Думаю и надеюсь, что не изменится в худшую сторону их настроений.

Конечно, в данном случае многое будет зависеть от меня — они молодые, неиспорченные, от меня будет зависеть воспитание чувства ответственности, чувства долга. И главное — взаимовыручка, взаимопонимания, преданности. Я не представляю себе нейтральное начало ансамблей без этого. Если ты плохо относишься к человеку, не может быть настоящего контакта. Мы стоим все вместе на сцене, и без искренности, открытости, правды чувств, единения не получится.

Конечно, невозможно гарантировать чистоту помыслов и благородство чувств каждого участника коллектива. Нельзя ручаться, что не появится у кого-то какой-то, простите за выражение, сволоочный характер. Однако сейчас я буду подходить с иных позиций к людям. Сейчас для меня понятия человеческая порядочность и уровень профессионализма меняются местами. И если, не дай Бог, что-либо возникнет, сразу, не задумываясь, я гадкого человека, будь он отличный музыкант, выгоню, а честного, благородного, пусть в профессиональном смысле немного уступающего, оставлю. Лучше я его научу играть! Порядочность — превыше всего.

Разговор с Юрием Башметом дополнил музыковед Баранкин — живой свидетель успеха нового коллектива. Дополнил рассказом о состоявшихся недавно в Германии двух концертах на знаменитом вокзале в Роландсеке и в «Бетховенхалле» в Бонне.

Это было как бы представление недавно рожденного сообщества крупнейших мастеров с талантливыми молодыми музыкантами.

Два дня интенсивной репетиционной работы, успех боннского «столичного» концерта с разнообразной программой, выступление в Зале Вокзала, где звучало несколько крупномасштабных камерных сочинений, в том числе премьеры коллектива — Первый концерт grosso А. Шнитке — красноречиво свидетельствует о живой творческой атмосфере, царящей в башметовском оркестре. Молодые музыканты пока делают на международном арене первые шаги, но уже сейчас можно уверенно предсказать радужные перспективы интенсивного творческого роста. Пока они ученики, однако верится, в скором времени они станут равноправными партнерами. Отменная культура новой генерации музыкантов, огромный опыт руководителя — личности исключительной — залог тому.

— Работа с моими новыми предоченными впереди очень большая, — завершил нашу беседу руководитель коллектива «Солисты Московской консерватории» Ю. Башмет. — И я прекрасно понимаю, — ответственная, но многообещающая. Ведь музыка — бесконечность. Ей противоположены заученные правила, исполнительские каноны. Проходит время, и ты начинаешь по-новому слышать, чувствовать, «видеть» музыку, по-новому играть уже прочно устоявшиеся в концертной практике сочинения. Только не потому, что сменится власть или иными будут политические игры. Это не имеет значения. Музыка — это великие политики. Музыка — это религия. Она сила столь могуча, что она может спасти наш мир от вражды и разрухи.

Беседу записала
М. ИГНАТЬЕВА.

Фото В. Киселева.